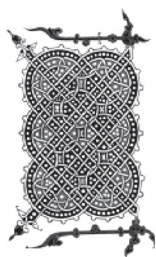

© 2023 Н. Т. Энеева
Москва, Россия

МОНАХИНЯ ТАИСИЯ (КАРЦОВА) – АГИОГРАФ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Аннотация. Статья посвящена выдающейся представительнице русского монашества XX в. и замечательному церковному историку Татьяне Юрьевне Карцовой, в монашестве Таисии. Большое внимание уделяется воспитавшей ее предреволюционной духовной среде и связи предреволюционной русской церковной истории с историей православия в Русском Зарубежье в XX в. Рассматривается концепция развития женского монашества в России в последние полтора столетия перед революцией, приводимая в книге «Русское православное женское монашество», а также трактовка монахиней Таисией причин его подъема и особенностей, связь его с возрождением в России XIX в. традиции «умного делания» и старческого духовничества, пришедших с Афона благодаря трудам преподобного Паисия (Величковского) и его последователей.

Ключевые слова: агиография, жития святых, русское женское монашество, Русское Зарубежье, Церковное Предание, умное делание, духовничество, старчество.

Ссылка при цитировании: Энеева Н. Т. Монахиня Таисия (Карцова) – агиограф Русского Зарубежья // Традиции и современность. 2023. № 34. С. 69–83

Энеева Наталья Тимуровна (Eneeva Natalia Timurovna) – кандидат искусствоведения, научный сотрудник Центра по изучению истории религии и Церкви Института всеобщей истории Российской академии наук, эл. почта: eneeva-nt@yandex.ru

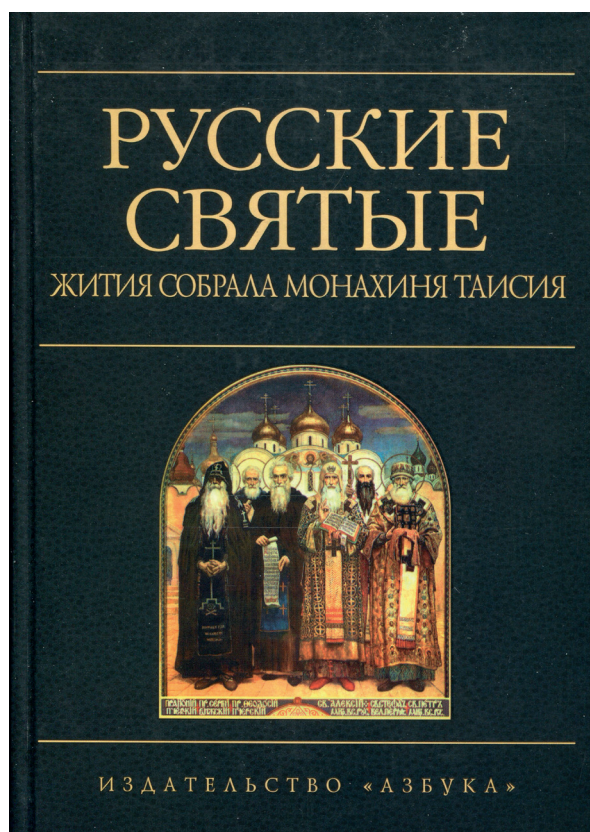
Научный православный журнал «Традиции и современность». 2023. № 34. С. 69–83

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>
УДК – 821.161; ББК – 83.3(Рус); <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2023-34/69-83>

Монахиня Таисия (Карцова, 1896–1995), представительница одной из аристократических семей дореволюционной России, родственной Пушкиным и Гончаровым, скончалась в возрасте 99 лет во Франции, в основанном русскими эмигрантами по благословению митрополита русских зарубежных церквей Западной Европы Евлогия (Георгиевского) женском монастыре в Бюсси-ан-Отт. Она прожила в нем последние 43 года своей жизни, занимаясь сбором материалов о русских святых и о женском монашеском подвижничестве. Рукописи ее были изданы незадолго до ее кончины и сразу попали в Россию, о чем, когда она их писала, казалось, нечего было и думать. В многолетнем (многодесятилетнем) труде ее главным было, наверное, упорное духовное противодействие тому, что со всех сторон ее окружало и в личном, и в историческом масштабе – распад, крушение, войны, грабежи, горе, беженство, а если сказать короче – торжество, как казалось, греха и зла на земле. Она же неотступно, при всех обстоятельствах жизни, собирала сведения о святости, причем русской святости, казалось бы, уже не востребованной на обезверившей родине. И по тому, как быстро книги ее были не только опубликованы, но стали широко и повсеместно известны, видно, что прилагавшееся ею на протяжении всей жизни духовное усилие, стремление к святости, совершило реальную «работу», в масштабе не только ее личной жизни, но и в общественном, национально-русском, российском и в общеправославном церковном жизненном пространстве.

В ее личной внутренней духовной жизни главным, как пишет ее биограф монахиня Силуана (Гуляева), было стремление к монашеству. Оно сохранялось в ее сознании как некая основная его константа даже тогда, когда в последние годы жизни в монастыре вследствие болезней и возраста стало забываться все другое. Чудом жизни матери Таисии, по словам того же биографа, была необыкновенная внутренняя девственная, детская чистота, почти невероятная ввиду того, что ей пришлось пережить и переживать на протяжении долгой жизни, революции, эвакуации, беженства и т. п.

Сама мать Таисия в своих воспоминаниях подчеркивает, что судьбой своей всецело обязана неземному водительству и охране. Она описывает, как в 1909 г., когда ей было тринадцать лет, она увидела во сне свою очень рано скончавшуюся мать, отличавшуюся при жизни редкими добродетелями, занимавшуюся широкой благотворительностью и помощью церквам, которая сказала ей: «“Я пришла посмотреть, что вы делаете. Слушай внимательно, что я буду тебе говорить. Теперь наступает время, когда всем на земле будет очень трудно. Но ты ничего не бойся, Господь позволил мне это время быть

Главный труд монахини Таисии –
«Русские святые» (СПб., 2001)

с тобой и охранять тебя. Только почаще ходи в церковь, я там буду с тобой. Знай, что мертвых нет, и никогда не говори этого слова. Мы все живы, только ваши земные глаза сделаны так, что вы не можете нас видеть; а мы ходим среди вас, видим вас и помогаем вам больше, чем если бы мы были среди вас

Татьяна Юрьевна Карцова, будущая монахиня Таисия,
за работой. 1938 г.

на земле. Помни, что особенно сильна связь между матерью и детьми...”. Я спросила: “Расскажи, как ты там живешь на небе?”. Она улыбнулась и ответила: “Нам запрещено об этом говорить; иначе меня больше к тебе не отпустят...”. Я очнулась, но слова матери запомнила на всю жизнь...» (*Монахиня Таисия* 2010: 29–30).

Мать Таисия – в миру Татьяна Юрьевна Карцова – родилась в 1896 г. на польских землях Российской империи в родовом имении Довспуде. Отец ее, Юрий Сергеевич Карцов, был дипломатом, Российским консулом в Константинополе, Месопотамии и Бельгии, Государственным Советником. К нему адресованы философские письма, озаглавленные «К Карцову», философа и дипломата Константина Леонтьева, с которым его связывала юношеская дружба. Сам Юрий Сергеевич написал несколько книг, среди которых воспоминания о дипломатической службе «Семь лет на Ближнем Востоке».

Отец монахини Таисии Юрий Сергеевич Карцов.
Ницца. Конец 1920-х годов

Со стороны матери – Софьи Михайловны (урожд. Кристафович) – мать Таисия была связана родственными узами с двумя дворянскими семьями, имеющими непреходящее значение для культурной,

интеллектуальной и духовной жизни России. Одна из них – уже упомянутая выше семья Гончаровых – родных племянников Натальи Николаевны Пушкиной (урожд. Гончаровой), детей ее брата Ивана, один из которых был женат на двоюродной сестре Софьи Михайловны Карцовой – Марии Александровне (урожд. Озеровой).

Глава семьи Озеровых, дипломат Александр Петрович Озеров, служил посланником в Греции и Швейцарии, где при его содействии был построен русский посольский храм; супруга же его, Ольга Егоровна (урожд. Пашкова), отличалась чрезвычайной религиозностью и даже перед своей кончиной, по воспоминаниям матери Таисии, сподобилась явления Спасителя. Из их семерых детей, воспитанных в большом благочестии, один, «Давид Озеров, был главным помощником Св. Иоанна Кронштадтского в деле устройства “Дома Трудолюбия”» (*Игумен Герман (Подмошенский)* 1990).

Мама монахини Таисии Софья Михайловна Карцова

По кончине матери в 1901 г. и по ее желанию Таня Карцова воспитывалась в имении Гончаровых Лопасня под Москвой¹. Здесь будущая мать Таисия получила пример не только благочестивой жизни, но и подвижнического служения ближнему. «В доме, где жила маленькая Татьяна, – пишет автор ее биографии мать Силуана, – обстановка была пронизана стремлением к истинной святости. С детства впитала она в себя лучшее, что было в быте старой патриархальной России» (*Монахиня Силуана (Гуляева)* 2010: 5). Сестры Гончаровы были людьми «исключительных добродетелей», всю свою жизнь посвятившими «помощи ближним и делам благочестия». Главной воспитательницей Тани Карцовой стала Наталья Ивановна Гончарова, о которой впоследствии мать Таисия писала, что «более добросердечного, кроткого и мягкого человека нельзя себе представить... Жертвенность и исполнение своего долга, в какое бы положение жизнь человека ни поставила, – эти лучшие принципы старого дворянства – она соблюдала во всей их незыблемости» (цит. по: *Монахиня Силуана (Гуляева)* 2010: 5). Ведя фактически монашеский образ жизни, она все силы отдавала заботам о местном населении, созданию для него школ, ясель, библиотек. Сестры Гончаровы лично шили и вязали одежду для детей бедных семей окрестных сел. С началом Первой мировой войны огромный усадебный дом Гончаровых стал госпиталем, в котором сами хозяйки служили сестрами милосердия².

Огромное значение для Тани Карцовой имели путешествия со своими воспитателями по святым местам России. Вместе с родственниками она совершала в детстве и юности многочисленные паломничества по русским монастырям, впечатления от которых, а также исторические сведения, полученные во время этих поездок от очевидцев и хранителей монашеских преданий, стали основанием позднейшего труда матери Таисии о русских святах, написанного ею в изгнании.

Другой семьей, тесно связанной с Карцовыми и родственно, и духовно, были Нилусы – Сергей Александрович и его супруга Елена Александровна (урожд. Озерова). Елена Александровна до замужества была фрейлиной императорского двора, приближенной к императрице Марии Федоровне, возглавляла Общество Красного Креста, была попечительницей училища сестер милосердия. Книги выдающегося духовного писателя Сергея Александровича Нилуса, посвященные сокровенным путям действия Промысла Божия в глубинной народной

Сестры Гончаровы – племянницы Натальи Николаевны Пушкиной (урожд. Гончаровой). Слева направо: Наталья, Екатерина, Надежда и М. А. Быкова (Пушкина)

среде и в русской истории, являлись впоследствии для матери Таисии тем фундаментом и контекстом, в котором она мыслила свои собственные изыскания по истории русской святости и русского монашества.

Сергей Александрович и Елена Александровна Нилусы

Семья Нилусов оказала также очень большое духовное и интеллектуальное влияние на старшую сестру Татьяны Юрьевны – Елену Юрьевну Концевич (урожд. Карцову, 1893–1989). Этому влиянию особенно способствовало то обстоятельство, что по кончине их матери Елена Юрьевна была отправлена отцом на воспитание не к Марии Александровне Озеровой-Гончаровой и оттуда в имение Лопасня, как Татьяна, но в Царское Село, к другой сестре Озеровой – именно к Елене Александровне Озе-

ровой, будущей Нилус. Это семейное и духовное родство стало в дальнейшем одним из путей сохранения русского православного Церковного Предания XIX – начала XX в. и дальнейшего его распространения и бытования не только в России, но и в Русском Зарубежье, а через него стало доступным для узнавания христианами других стран мира. Е. Ю. Карцова-Концевич стала впоследствии одним из выдающихся духовных подвижников Русского Зарубежья – историком, писателем, публикатором и издателем исторических и богословских трудов, в том числе русских зарубежных иерархов, а также ее супруга – церковного историка Ивана Михайловича Концевича, автора знаковых трудов «Оптина пустынь и ее время» и «Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси». В период пребывания в эмиграции во Франции Е. Ю. Концевич была духовным чадом архиепископа Феофана Полтавского (Быстрова), а позднее, в послевоенной Америке, стала духовной наставницей («аммой», как называет ее игумен Герман) учредителей Братства преподобного Германа Аляскинского – иеромонаха Серафима (Юджина Роуза) и игумена Германа (Глеба Подмошенского). Именно ей Сергей Александрович Нилус передал после революции рукопись «Великой Дивеевской Тайны» преподобного Серафима Саровского с просьбой найти возможность публикации, что Елена Юрьевна и осуществила, передав ее в свою очередь в 1965 г. Братству преподобного Германа Аляскинского, издавшего ее с благословения архиепископа Аверкия (Таушева) в своем журнале «Orthodox World».

Елена Карцова и Екатерина Куртен – будущая игуменья Евдокия, настоятельница Покровской обители в Бюсси-ан-От. Крым. 1917 г.

Еще одна духовная нить, протянувшаяся из России в рассеяние, также связанная с семьей Карцовых, соединяет Крымские монашеские скиты с французской Бургундией: в Крыму, в Кизилташском скиту приняла монашеский постриг с именем Евдокия близкая подруга Елены Юрьевны Концевич – Екатерина Мещерякова-Куртен, ставшая в эмиграции основательницей монастыря в Бюсси-ан-От, в котором прошла вторая половина жизни Татьяны – в монашестве Таисии – Карцовой.

Игуменья Евдокия (Мещерякова-Куртен)

Замечательна с духовной точки зрения и связь истории семьи Карцовых в эмиграции с раннехристианскими святынями Европы. Продав родовое имение в ставшей независимой Польше, Елена Юрьевна купила для отца, себя и сестры старинный каменный дом «времен Людовиков» на «холме Святой Женевиевы», в знаменитом Латинском квартале, духовном сердце Парижа. «Это было наверху горы, – вспоминала она позже, – близ самых центральных мест, как Сорбонна и Jordan des Plantes. На этой горе Святая Женевиева жила и создала Париж (в V веке). Это было не вне города, а сама макушка, вершина города. Здесь образовалось наше

гнездо» (*Игумен Герман (Подмошенский)* 1990). Выйдя в 1935 г. замуж за И. М. Концевича, Елена Юрьевна с супругом поехала на юг Франции, чтобы работать «в тех местах, где на заре христианства во Франции жили и подвизались великие подвижники, как, например, Преп. Кассиан Римлянин и другие. Они жили в пещерах и оставшихся в виде руин постройках, куда с благоговением Концевичи ходили как на паломничество. Православие в древней Франции было в VI веке в полном расцвете... Подвижничество там началось от св. Афанасия Великого, принесшего туда свой труд о Египетской Фиваиде “Житие Преп. Антония Великого”» (*Игумен Герман (Подмошенский)* 1990). В дальнейшем тема «Православной Галлии» первого тысячелетия по Рождестве Христовом стала одной из ключевых в трудах и публикациях Братства преподобного Германа Аляскинского, особенно о. Серафима (Роуза). В основе этих трудов лежало, прежде всего, благословение святителя Иоанна (Максимовича) Шанхайского и Сан-Францисского, первым начавшего систематические поиски общехристианских святых ранней Церкви, но несомненно большое значение имело и общение с семьей Концевичей.

Судьба Татьяны Юрьевны Карцовой складывалась иначе: духовный климат семей Гончаровых, Озеровых и Нилусов способствовал утверждению Тани Карцовой в рано возникшем у нее стремлении к монашеству.

В середине 1920-х годов Татьяна Юрьевна вместе со своим отцом переехала из Парижа в Ниццу. В это время там находился управлявший русскими приходами на Юге Франции с 1925 по 1944 г. владыка Владимир (Тихоницкий) – тогда архиепископ, впоследствии митрополит, возглавивший «евлогийскую» юрисдикцию Русских православных приходов в Западной Европе по кончине ее основателя митрополита Евлогия (Георгиевского). Карцовы знали владыку Владимира по Польше – с 1907 г. он был епископом Белостокским, в 1923 г. возведенным Святейшим Патриархом Тихоном в сан архиепископа. Отличавшийся исключительной кротостью и смирением архиепископ Владимир проявил героическую твердость перед лицом правительства маршала Пилсудского, потребовавшего от русских иерархов признания незаконно провозглашенной по требованию светских властей Польской «автокефалии», образованной из Варшавской епархии Российской Православной Церкви. За несогласие подчиниться владыка Владимир был арестован и позднее выслан из страны.

Переезд в Ниццу стал судьбоносным в судьбе Татьяны Юрьевны с точки зрения осуществления ее пути в монашество, так как именно «владыка

Епископ Владимир (Тихоницкий), будущий глава Экзархата русских приходов в Западной Европе, духовный отец матери Таисии. Фотография, висевшая в ее келье

Владимир был ее духовным отцом в Польше» (*Монахиня Силуана (Гуляева)* 2010: 10). В 1944 г. она поступила послушницей в скит Казанской иконы Божией Матери в Муазен-ле-Гран, созданный подругой Елены Юрьевны монахиней Евдокией (Куртен) и управлявшийся ее сестрой матерью Дорофеей. В 1946 г. Татьяна Юрьевна была пострижена в рясофор архимандритом Кассианом (Безобразовым) с именем Таисии, а с 1951 г. стала посещать основанный игуменьей Евдокией Покровский монастырь. В 1952 г., когда сестра ее Елена Юрьевна уехала в Америку в связи с назначением И. М. Концевича профессором в Свято-Троицкую Духовную Семинарию в Джорданвилле, «в день великомученика Георгия, небесного покровителя своего отца, сестра Таисия с благословения митрополита Владимира осталась в Покровской обители навсегда... Приснопамятный владыка митрополит Владимир благословил ее иконочкой Божией Матери “Державная”, которую мать Таисия бережно хранила всю жизнь и завещала положить себе в гроб» (*Монахиня Силуана (Гуляева)* 2010: 11).

Русская женская Покровская обитель
в Бюсси-ан-От. Монастырский дом и сад

Мать Силуана (Гуляева), поступившая в Покровскую обитель в Бюсси в 1982 г. и, следовательно, знавшая мать Таисию последние 13 лет ее жизни, пишет о ней: «Вся ее на редкость долгая жизнь, казалось, была подчинена одной цели, одному вдохновению: собрать жития русских святых, чтобы не исчезла о них память в богоборческие времена. Три желания, три самых сокровенных молитвы имела она: стать монахиней, составить книги житий святых и чтобы впоследствии книга эта была напечатана в России. Все ее желания Господь исполнил»; «Составление житий русских святых стало главным делом ее жизни» (*Монахиня Силуана (Гуляева) 2010: 18, 9*).

Отличительной чертой агиографических трудов матери Таисии является их обращенность к оставленной Родине и живая сопричастность к актуальной церковной истории. Так, в книге «Русские святые» раздел, посвященный современным ей российским новомученикам, завершается словами: «Их доблесть озаряет новою славою Русскую Церковь, явив миру бесчисленный сонм венценосных страстотерпцев. А вместе с ней и вся Вселенская Церковь пожинает плоды их победы. Новые мученики соединили небо с землею в общей радости, ибо вместе с воинствующею Церковью о них ныне веселится и Церковь торжествующая» (*Монахиня Таисия (Карцова) 2001: 104*).

Многие сведения о жизни русских подвижников XVIII–XIX вв., как уже говорилось, были почерпнуты матерью Таисией во время паломничеств по монастырям, совершенных в ранней юности вместе

со своими благочестивыми воспитательницами. «Ее феноменальная память, – пишет мать Силуана, – стала большим подспорьем в работе. Ведь со многими подробностями из житий святых, близких нам по времени, она познакомилась благодаря общению с монашествующей братией в те незабываемые годы, когда юной паломницей посещала русские монастыри. Эти сведения передавались изустно, являясь частью предания, потому что живы были еще те, кто знал того или другого святого. Именно поэтому в житиях русских святых, составленных м. Таисией, есть подробности, известные только благодаря ее труду» (*Монахиня Силуана (Гуляева) 2010: 9*).

Особенно много уникальной информации в книге «Русское православное женское монашество». Специальное внимание к этой теме в

какой-то мере было обусловлено необыкновенным расцветом женского монашества в России на протяжении второй половины XIX – начала XX в. По статистике, приводимой И. К. Смоличем, в «1914 г. в мужских монастырях подвизалось (вместе с послушниками) 21.330 лиц, а в женских – 73.299», то есть почти в четыре раза больше, в то время как «в 1701 г. мужских монастырей было в 4 раза больше, чем женских» (*Смолич 1996: 669*).

Свою книгу о русском женском монашестве мать Таисия начинает предисловием «...о происхождении старчества и о его значении в женских обителях России» (*Монахиня Таисия 2006: 3*), где указывает на связь возрождения и подъема женского монашества в России XIX в. с феноменом православного «старчества», обновлению которого способствовало возникшее в XVIII в. на Афоне движение за возрождение духовного наставничества и «умной молитвы» («умного делания»), перенесенное на русскую почву благодаря собирательским и переводческим трудам преподобного Паисия (Величковского), поддержке митрополита Григория (Петрова) и святителя Филарета (Дроздова), и реально осуществленное преподобными старцами Оптиной пустыни, Глинской пустыни, насельниками Гефсиманского скита Троице-Сергиевой лавры и др. В кратком, но чрезвычайно емком и глубоком по содержанию предисловию мать Таисия дает определение «старчеству» как возрождению «пророческого служения» раннехристианской Церкви – служения непосредственного «богообщения», хранения в народе «нрава Господня» и ведения воли Божией.

Обложка книги матери Таисии «Русское православное женское монашество» (Минск, 2006)

Несмотря на то, что книга не содержит обобщающих разделов, содержание ее глав легко мысленно группируется по отсылкам к тому или иному старческому или святительскому «благословению». Так, примерно треть глав посвящена монастырям и общинам, возникшим под непосредственным руководством или по пророческому указанию преподобного Серафима Саровского. Это «Сухотинский» — основанный в имении Варвары Александровны Сухотиной игуменьей Дорофеей (Кудрявцевой) с помощью графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской (в монашестве Агнии) по уставам Крестовоздвиженского монастыря Нижегородской епархии — Богородице-Знаменский монастырь в Тамбовской епархии; Тихвинский монастырь в городе Бузулуке Оренбургской епархии, основательницу которого, игуменью Евгению, пришедшую в Саров с родными на богомолье двенадцатилетней девочкой, преподобный Серафим благословил, назвав «сосудом избранным» (Монахиня Таисия 2006: 80); Христо-Рождественский монастырь в городе

Слободском Вятской епархии, первоначальница которого игуменья Пульхерия (Сазонова) в юности была исцелена преподобным Серафимом («У нее в келье был его портрет во весь рост, писанный в Дивееве, перед которым она всегда молилась, хотя он еще прославлен не был», ее называли «верная ученица Серафимова» (Монахиня Таисия 2006: 85)); Николаевский Абабковский монастырь Нижегородской епархии, настоятельнице которого игуменье Евпраксии, в миру Евдокии Титовой, преподобный Серафим предсказал игуменство, когда ее послали к нему за благословением вскоре по вступлении в обитель: «“Мир тебе, раба Божия, — сказал он ей, — молись больше Богу, и у тебя будут детки; много будет детей, ты должна будешь быть Саррой!”». Евдокия страшно испугалась... все поняла только тогда, когда в 1846 г. ... сестры стали просить назначить к ним именно ее» (Монахиня Таисия 2006: 107); Покровский Ардатовский монастырь Нижегородской обл. в 36 верстах от Сарова, организованный всецело по указаниям преподобного, так что «по пути в Саров и Дивеево, уже в преддверии их, в Ардатовском Покровском монастыре богомолец проникался духом преподобного Серафима» (Монахиня Таисия 2006: 124); Зеленогорская женская община, преобразованная в монастырь в 1893 г. в селении Зеленые Горы, возникшая в 1800 г. на территории заброшенного монастыря (закрытого при Екатерине II в 1764 г.) по молитвам преподобного Серафима, который «скорбел о запустении святого места. Но однажды, к радости своей, увидел в ограде уединенную келью, в которой кто-то спасался... Преподобный Серафим до самой своей кончины помогал им молитвой, советами и наставлениями» (Монахиня Таисия 2006: 179) и др.

Показательно, что женские общины и монастыри, создававшиеся по благословию преподобного Серафима Саровского, имели духовное устройство, близкое к устройству русских монастырей Святой Афонской горы, свидетельством чему являются неоднократно присылавшиеся этим общинам афонские благословения. Так, Оренбургскому Успенскому монастырю, возглавлявшемуся игуменьей Таисией (Амарцевой), которой преподобный Серафим предсказал игуменство за много лет вперед, «Святая гора Афонская прислала икону Иверской Божией Матери и икону Божией Матери Экономиссы с частями мощей» (Монахиня Таисия 2006: 155).

В тех случаях, когда мать Таисия передает сведения, слышанные ею лично от очевидцев исторического прошлого монастырей, рассказ становится более подробным. Например, вот как она описывает историю основания Дальне-Давыдовской женской пустыни во имя иконы Пресвятой Богородицы «Утоли моя печали» в Нижегородской епархии:

«Крестьянин... Василий Рошин, умерший в 86 лет, рассказывал, как преподобный Серафим часто говорил, что около Давыдова будет женская обитель, что туда сестры будут собираться со всех сторон и тогда благодать Божия ключом польется» (*Монахиня Таисия* 2006: 126). Мать Таисия приводит слова самого преподобного: «Когда я ходил по сбору на обитель (1785 год), то на пути в лугу я видел место, избранное для монастыря Божией Матерью. Я там сидел на дубовом пне, и пень этот попадет под первую церковь... Когда я был там первый раз, то удостоился видеть, как на то место, где будет соборный храм, спустилась икона Божией Матери "Утоли моя печали". Я успел только поклониться, и когда встал, икона уже исчезла <...> На этом месте будет женский монастырь, это место прославится» (*Монахиня Таисия* 2006: 125–126). «А когда 2 октября 1858 года было освящение первого храма Дальне-Давыдовской пустыни, престарелый крестьянин Дубов со слезами рассказывал первоначальнице матушке Антонии, что, когда он был еще мальчиком... как-то раз он увидел в лесу двух иноков: это был будущий преподобный Серафим, тогда еще послушник Прохор, и собрат его Антоний... Послушник Прохор сказал: "На этом самом месте, отче, будет монастырь: его основательницей будет девица. Она будет людям на посмеяние, а Царице Небесной на прославление. Здесь будет храм Божией Матери "Утоли моя печали"... В 1813 г. [прп. Серафим] радостно сказал: "Тому три дня родилась в Давыдове девочка; имя ей Нишенька. Людям она будет на посмеяние, а Царице Небесной на прославление!". Это и была Неонилла... будущая основательница Дальне-Давыдовой пустыни» (*Монахиня Таисия* 2006: 127). Очевидно, что повествование крестьян Василия Рошина и Дубова мать Таисия записала по следам своих юношеских паломничеств, вероятно, в передаче непосредственно знавших их людей.

Подобное же свидетельство «из первых рук» читаем мы в изложении матерью Таисией истории возникновения Уфимско-Благовещенской обители, которая «стала светочем края, даже до далекой Сибири. Везде перенимали ее устав; из нее брали игумений для других монастырей» (*Монахиня Таисия* 2006: 138–139). Преподобный Серафим предсказал игуменство в Уфе монашине Филарете (Стефаниде Бычковой): «Стефанида с подругой провели там [в Сарове] целый месяц и часто слушали наставления преподобного Серафима... В 1827 году епископ Антоний... разрешил им открыть общину... В 1832 году общину перевели в Уфу; сестер тогда было двенадцать... среди них была... девочка Александра Зиновьева, поступившая в 7 лет. Она скончалась в 1906 году и много рассказывала о тех давних временах» (*Монахиня Таисия* 2006: 137).

Иван Михайлович и Елена Юрьевна Концевичи. 1950 г.

Книга матери Таисии дает представление об основных духовных попечителях и руководителях женского монашеского подвижничества, переживавшего небывалый подъем в России в конце XVIII, в XIX и в начале XX в. Особую роль играли «святители-старцы» – митрополит Санкт-Петербургский Гавриил (Петров)³, митрополит Московский святитель Филарет (Дроздов)⁴, архиепископ Воронежский и Задонский святитель Антоний (Смирницкий)⁵, святитель Феофан (Говоров), Затворник Вышенский⁶. Среди их духовных чад – не только представительницы аристократии, такие как игуменья Мария (Тучкова), основательница и настоятельница Спасо-Бородинского монастыря, или игуменья первого женского монастыря Санкт-Петербурга – Новодевичьего – Феофания (Шуленникова), но и, например, старица Матрона Наумовна, в монашестве Мария, дочь бедного дьячка, оставшаяся круглой сиротой с семилетнего возраста, ставшая впоследствии «матушкой-кормилицей» (*Монахиня Таисия* 2006: 148) Задонска, странноприимная община которой стала со временем общежительным монастырем, продолжившим ее благотворительную деятельность; святитель Воронежский Антоний

прислал ей при постриге свою мантию (*Монахиня Таисия* 2006: 150).

Но основную роль в духовном окормлении новых женских обителей играли знаменитые духовники главных российских монастырей, таких как Троице-Сергиева Лавра (наместник преподобный архимандрит Антоний (Медведев)⁷), Глинская пустынь (старец Глинской пустыни Филарет⁸) и, конечно, Оптиная пустынь и ее старцы.

Главный труд И. М. Концевича –
«Оптина пустынь и ее время»

Тема Оптиной пустыни и ее влияния на русскую духовную жизнь и русскую культуру – в некотором смысле центральная для того литературного и просветительского круга, которому принадлежала мать Таисия (Карцова). Это второй после Сарова «духовный бастион» и «профетический центр», предупреждавший о приближении времен Апокалипсиса. Здесь после паломничеств в Дивеево несколько лет жил С. А. Нилус, создавший духовную летопись последних предреволюционных лет существования скита «На берегу Божией реки». Огромное значение Оптиная пустынь и ее духовное наследие имели в жизни сестры матери Таисии Елены Юрьевны

Концевич: супруг Елены Юрьевны – Иван Михайлович Концевич – был духовным сыном одного из последних Оптиных старцев преподобного Нектария († 1928), связь с которым поддерживал через оставшихся в России родственников, уже будучи в эмиграции вплоть до кончины старца. Преподобный Нектарий Оптинский был духовником в том числе и епископа Нектария (Концевича), родного брата И. М. Концевича, архиепископа Русской Зарубежной Церкви в Америке в 1950–1960-е годы, который, в свою очередь, стал духовником Братства и монастыря преподобного Германа Аляскинского в Калифорнии. Так духовное влияние Оптиной перешло за океан. Через семью Карцовых-Концевичей были переданы в русскую диаспору и сохранялись в ней духовные предания и традиции Дивеева и Оптиной пустыни. Не случайно свою келью в Платине о. Серафим (Роуз) называл «Оптина».

О. Серафим (Роуз) в «Оптиной» келье. Монастырь
преподобного Германа Аляскинского.
Платина, Калифорния

Мать Таисия посвящает отдельную главу своей книги преподобному Амвросию Оптинскому и созданному им женскому монастырю в Шамордино. Кроме того, из книги матери Таисии мы узнаем, что преподобный Макарий Оптинский в Оптину пустынь перешел из женского Севского монастыря, где был духовником. Его преданная ученица монахиня Анфия, подвизавшаяся в Крестовоздвиженском Белевском монастыре в 37 верстах от Оптиной, «первая ввела в Белевском монастыре старчество» (*Монахиня Таисия* 2006: 58). «Желавшим спастись старец [о. Макарий] указывал часто на Белевский монастырь» (*Монахиня Таисия* 2006: 60).

Приближаясь к описанию событий рубежа XIX–XX вв., мать Таисия все более соприкасается с историей собственной семьи, которая была погружена в русскую церковную жизнь и судьба которой была непосредственно связана с судьбами Российской

Церкви. Так, непосредственное отношение к семье матери Таисии имел преподобный Варнава, духовник Черниговско-Гефсиманского скита, основатель Иверского Выксунского женского монастыря: его последней исповедницей была начальница дома призрения Сергиева Посада – Екатерина Ивановна Гончарова, племянница Н. Н. Пушкиной-Гончаровой (родная сестра воспитавших мать Таисию Натальи и Надежды Гончаровых), «скончавшаяся в 20-х годах игуменией Сергией Дмитровского монастыря Московской епархии» (*Монахиня Таисия* 2006: 222).

Особое внимание мать Таисия уделяет «кусту» «миссионерских» обителей, возникших в конце XIX – начале XX в. под руководством архиепископа, позднее митрополита, Евлогия (Георгиевского) на западных рубежах России. Круг этих монастырей и их насельницы также имеют прямое отношение к ее семейной среде. Это Свято-Богородичный Леснинский, Вировский во имя Спаса Всемилоственного, Красностокский Рождество-Богородицкий монастыри Холмской и Гродненской епархий, и их выдающиеся организаторы и игуменьи Екатерина Леснинская (урожденная графиня Ефимовская), ее преемница игуменья Нина Леснинская; игуменья Анна (Анна Александровна Потто), основательница Вировского монастыря, после ранней кончины которой ее сменила родственница матери Таисии игуменья София (Шаховская), урожденная Ольга Александровна Озерова – родная сестра супруги С. А. Нилуса. Она вышла замуж за князя А. И. Шаховского и, овдовев, была «пострижена в монашество с именем Софии епископом Евлогием и назначена игуменией Вировского монастыря» (*Монахиня Таисия* 2006: 197).

Игуменья София возглавляла Вировский монастырь два года, а затем основала новую Богородичную монашескую общину в городе Зарайске: «это был Виров в миниатюре», – пишет мать Таисия. «После революции эта маленькая община подверглась всеобщей участи. Мать София переехала в Дмитровский монастырь Московской епархии и еще долго бедствовала в тяжелых условиях. Скончалась она в 1926 году в глубокой старости» (*Монахиня Таисия* 2006: 198). Отличительной особенностью этих монастырей было их самоотверженное служение местному населению – благотворительное, просветительское, миссионерское. После Первой мировой войны и русской революции Леснинский монастырь оказался в эмиграции, где все эти его качества оказались более чем востребованы: если в России Леснинская обитель стала материнской по отношению к целому ряду вышедших из нее новых монастырей Западного края, то, оказавшись в Хопово в Сербии, леснинские монахини дали импульс к возрождению женского монашества в Сербии,

практически сошедшего на нет к этому времени. По кончине основательницы в 1925 г., после Второй мировой войны Леснинский монастырь переехал во Францию, в провинцию Провенмон, где также стал ярким православным миссионерским центром, самым своим существованием свидетельствующим о православии в инославном мире и на протяжении столетия бывшим опорой Русской Зарубежной Церкви в Западной Европе. В книге матери Таисии несколько раз без определений, но всегда в одном качестве звучит имя императрицы Екатерины II – как упразднительницы монастырей; и можно сказать, что в конце книги этому имени противостоит имя другой Екатерины – графини Ефимовской, игуменьи Леснинского монастыря, единомышленницы, собеседницы и сподвижницы русских славянофилов, давшей толчок к возникновению множества

Сестры Озеровы (слева направо): Ольга Александровна – будущая игуменья София (Шаховская), Елена Александровна – будущая Нилус, и их двоюродная сестра Софья Михайловна Кристафович – будущая Карцова (мать Татьяны и Елены Карцовых)

новых монастырей как в России рубежа XIX–XX вв., так и развитию православного женского монашества в русском рассеянии XX в.

В отдельных главах монахиня Таисия дает краткий обзор обителей, находящихся под молитвенным и пастырским покровом святого праведного отца Иоанна Кронштадтского: о Серафимо-Знаменском ските игуменьи Фамари (княжны Марджановой); о Марфо-Мариинской обители милосердия и ее основательнице святой великомученице великой княгине Елизавете Федоровне Романовой; о подвижнице дальневосточной эмиграции игуменье Руфине (Кокоровой).

Особое обаяние и живость очень насыщенной информацией, написанной сдержанным, строгим языком книге матери Таисии придают приводимые ею иногда личные впечатления или переживания. Так, глава, посвященная инокине Вере Молчальнице (за именем которой, по народной молве, скрывалась ушедшая в затвор императрица Елизавета Алексеевна – супруга императора Александра I), оканчивается такими словами: «Мне посчастливилось видеть тетради, исписанные ее рукой. От времени они пожелтели, и прочесть я ничего не могла. Но почерк был мелкий, изящный, и буквы были готические, немецкие. Напрашивалась мысль, что Вера Молчальница была по происхождению образованной немкой» (Монахиня Таисия 2006: 178).

Некоторые главы ее книги об истории женского монашества прямо кончаются замечанием: «Из семейных воспоминаний». Приводятся письма, присланные членам семьи Карцовых, Концевичей, Нилусов. Приводятся жизнеописания современных матери Таисии подвижниц, известных только благодаря личному общению с автором и ее семьей. Таковы главы, посвященные, например, игуменье Антонине, настоятельнице Кизлярского монастыря на Кавказе, добровольно принесшей революционным властям «свою голову», оценивавшуюся ими в три тысячи рублей, чтобы не подвести прятавших ее людей (глава кончается словами: «о дальнейшей судьбе этой замечательной монахини ничего не известно»); монахине Тихоне из Успенского Оренбургского монастыря, рассказ о которой завершается описаниями обысков и вскрытия гробниц почивших игуменей, в которых искали драгоценностей, но находили «нетленные тела», после чего мать Таисия замечает: «Знаем мы это из последнего письма. Больше писем от нее не было. Ясно было, что сбылось тайное предсказание старца Герасима Тихонова монастыря, сделанное ей в дни молодости, и что она стала мученицей» (Монахиня Таисия 2006: 166). Общение с этой подвижницей, по словам матери Таисии, началось с того, что «по благословению своего духовника она описала

свою жизнь, как исповедь, и прислала ее духовному писателю С. А. Нилусу» (Монахиня Таисия 2006: 165).

Монахиня Таисия (Карцова) в монастыре Покрова Пресвятой Богородицы в Бюсси-ан-От. 1987 г.

Бесценным качеством истории женского монашества, написанной матерью Таисией (Карцовой), является то, что она написана монахиней же – то есть не внешним наблюдателем, как замкнутое в себе явление, но изнутри монашеского понимания и переживания ценностной шкалы жизни, с пониманием монашеской мотивации поступков. История женского монашества в книге матери Таисии – это живое предание святости, совокупного подвига чистой любви, история противоборства и победы, казалось бы, слабого человеческого духа над «похотью плоти, похотью очес и гордостью житейской» (1 Ин. 2: 16). По внешнесобытийной канве это – история лишений, часто – гонений (еще до революции 1917 г.), наветов, часто – элементарных забот о насущном хлебе, то есть попросту история выживания. Но вместе с ними на земле выживает победа над инстинктами «падшего человека» – стяжательством, тщеславием и т. п. Они делают все

противоположное — уклоняются от увеселений, одеваются иногда в рубища, поддерживают жизнь в сознательной скудости, иногда юродствуют, чтобы избежать похвал, понимая, что в мирской мотивации жизни сокрыта вечная погибель души. Это сознательный вызов «князю мира сего», который, естественно, не перестает их «гнать». В этом смысле события земной истории для них в каком-то смысле вторичны — беды и невзгоды преследуют их всегда, принимая только ту или иную форму. Однако сами они, сохраняя свою «духовную самоидентичность», в какой-то мере являют на земле Церковь не только «гонимую», но и «торжествующую» — героини книги матери Таисии заставляют вспомнить Дев — строительниц Башни в книге «Пастырь» апостола от 70-ти Ерма, которые вместе с ангелами носят в здание Царства Небесного живые камни — души людей, причем ни один камень не может миновать этих Дев, иначе будет извержен вон. В этом и заключается смысл «женской праведности» в Церкви — без нее невозможно и спасение Адама, падение которого совершилось через падение жены. Поэтому и сошествие на землю Спасителя стало возможно только тогда, когда на земле вызрел единственный здоровый колос — Дева Мария, ставшая Богородицей.

Последняя изданная книга матери Таисии — «Светлые тени» — представляет собой, фактически, продолжающуюся историю святости, наблюдавшуюся ею в предреволюционные годы, в годы Первой мировой и эмиграции, которую она умела видеть не

в громких и очевидных событиях, но в сокровенной истории народного духа, определявшего часто жизнь и поступки, казалось бы, самых простых и незаметных миру людей, чья победа над злом, чья добродетель, на самом деле, имела общезначимое, более того, онтологическое значение. Ее книги являются, по сути, наблюдением за непосредственным Божественным вмешательством в судьбу человека — чутким слушанием и зрением голоса и ведущей руки Божией, действующих по большей части очень тихо и незаметно для мира. Вся история в писаниях матери Таисии предстает, таким образом, как пути действия Божия, чрезвычайно деликатного, не нарушающего свободу человека, но имеющего целью его спасение. И в этом смысле судьбы конкретных людей являются для нее отслеживанием луча благодати, который, подобно солнечному лучу, где-то проваливается и меркнет в низине и в тени, а рядом ярко сияет на церковном куполе. Главным Героем ее истории является на самом деле Сам Источник, само «светило», о котором человек может судить по действию его лучей. И поэтому те же самые события, та же самая история, которая видится как ад у большинства светских писателей, в скромном, фактологичном, отнюдь не сентиментальном и не эмоциональном изложении матери Таисии, которая лично всей своей жизнью прошла через «кровавый Армагеддон, устроенный “красным драконом”» в XX в. (*Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II* 1996: 3), оказываются носителями немеркнувшего «Несотворенного Света».

Примечания

¹ Ныне город Чехов.

² После революции дом был отобран. Наталья Ивановна Гончарова некоторое время жила в Сергиевом Посаде, откуда была выслана в Юрьев-Польской, где скончалась в 1934 г.

³ «Ее почитали такие подвижники, как митрополит Гавриил Петербургский, который называл ее своей сестрой, и старцы Феофан Новоезерский, Феодор Санакарский, Назарий Валаамский и другие» (см. о игуменье Евпраксии Успенского Старо-Ладожского монастыря (1734–1823): *Монахиня Таисия* 2006: 32).

⁴ «Духовным руководителем ее стал Московский митрополит Филарет, хорошо знавший семью Тучковых» (см. о игуменье Марии, основательнице Спасо-Бородинского монастыря: *Монахиня Таисия* 2006: 36–38); «Мудрый митрополит Филарет...» (см. о игуменье Олимпиаде Коломенского Брусненского монастыря: *Монахиня Таисия* 2006: 40–41); «...повела ее к митрополиту Московскому Филарету. Прозорливый святитель сразу же оценил смиренную старицу...» (см. о Каширском монастыре во имя Святого Великомученика Никиты: *Монахиня Таисия* 2006: 65).

⁵ «В 1833 году архиепископ Воронежский Антоний прислал в их обитель икону святителя Митрофана, писанную живописцем, которому святитель явился во сне для показания своего вида» (см.: о игуменье Пульхерии Христо-Рождественского монастыря в городе Слободском Вятской епархии (1810–1890): *Монахиня Таисия* 2006: 84); «Отец матушки игуменьи Арсении... был предводителем дворянства Войска Донского... он и жена его ездили ежегодно в Воронеж... для беседы с благодатным святителем Антонием. Однажды они взяли с собой младшую дочь — трехлетнюю Анну... Он благословил ее и сказал: “Ваша дочь Анна будет монахиня и великая подвижница”» (см. о Усть-Медведицкой игуменье Арсении (1834–1905): *Монахиня Таисия* 2006: 93); «В Воронеже ее принял прозорливый архиепископ Антоний... Матери он строго сказал,

что не следует из любви плотской изменять любви к Богу», «В Воронеже ее ласково, как старую знакомую, принял святитель Антоний и благословил частицей мощей святителя Митрофана» (см. о игуменье Верхне-Харьковского Николаевского монастыря Емили (1800–1873): *Монахиня Таисия* 2006: 111, 115).

⁶ «Епископ Феофан, Вышенский затворник, с которым она вступила в переписку, посоветовал ей испытать себя в течение семи лет <...> Большим утешением служили тогда умирающей письма ее духовного отца, епископа Феофана Вышенского <...> В одном письме к другому лицу епископ Феофан назвал ее “огневой монахиней”» (имеется в виду книга святителя Феофана Затворника «Что такое духовная жизнь и как на нее настроиться») (см. о монахини Елецкого монастыря Магдалине (1827–1869): *Монахиня Таисия* 2006: 100–104).

⁷ «Она молилась в Троице-Сергиевой Лавре у мощей преподобного Сергия, где она встретила живое участие со стороны наместника Лавры архимандрита Антония» (см. о игуменье Верхне-Харьковского Николаевского монастыря Емили (1800–1873): *Монахиня Таисия* 2006: 111).

⁸ «Побывали они и в Глинской пустыни, где мудрый и прозорливый игумен Филарет повторил ей предсказание преподобного Серафима, о том, что ей предстоит монашество в Уфе. Он стал до конца жизни ее наставником и руководителем. Это он видел в ночь кончины преподобного Серафима его душу, возносимую ангелами» (см. об ученице преподобного Серафима и отца Филарета Глинского игуменье Филарете Уфимско-Благовещенского монастыря (1807–1890): *Монахиня Таисия* 2006: 137).

Источники и материалы

Монахиня Таисия 2010 – *Монахиня Таисия*. Светлые тени. Правдивые рассказы о прошлом. М., 2010.

Монахиня Силуана (Гуляева) 2010 – *Монахиня Силуана (Гуляева)*. Монахиня Таисия – русский агиограф // *Монахиня Таисия*. Светлые тени. Правдивые рассказы о прошлом. М., 2010.

Игумен Герман (Подмошенский) 1990 – *Игумен Герман (Подмошенский)*. Елена Юрьевна Концевич // Сайт «Издательский Дом Русский Паломник». 1990 г. <http://idrp.ru:8080/article/?article=29>

Научная литература

Монахиня Таисия. Русское православное женское монашество. Минск, 2006.

Монахиня Таисия (Карцова). Русские святые. СПб., 2001.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. К читателю // Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 2. Тверь, 1996.

Смолич И. К. История Русской Церкви 1700–1917 гг. Ч. 1. М., 1996.

References

Nun Taisiya. 2006. *Russkoe pravoslavnoe zhenskoe monashestvo* [Russian Orthodox female monasticism]. Minsk.

Nun Taisiya (Kartsova). 2001. *Russkie svyatye* [Russian Saints]. Saint Petersburg.

His Holiness Patriarch of Moscow and All Rus' Alexy II. 1996. K chitatel'yu [To the reader]. In *Mucheniki, ispovedniki i podvizhniki blagochestiya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi XX stoletiya. Zhizneopisaniya i materialy k nim* [Martyrs, confessors and ascetics of piety of the Russian Orthodox Church of the XX century. Biographies and materials for them], by hieromonk Damaskin (Orlovskii). Book 2. Tver.

Smolich, I. K. 1996. *Istoriya Russkoi Tserkvi 1700–1917 gody* [History of the Russian Church 1700–1917]. Pt. 1. Moscow.

NUN TAISIYA (KARTSOVA) – CHURCH HISTORIAN OF THE RUSSIAN DIASPORA

Abstract. The article is devoted to the outstanding representative of Russian monasticism of the twentieth century and a remarkable church historian Tatyana Yurievna Kartsova, Taisiya in tonsure. Much attention is paid to the pre-revolutionary spiritual environment that brought her up and the connection of pre-revolutionary Russian church history with the history of Orthodoxy among Russians abroad in the twentieth century. The concept of the development of women's monasticism in Russia in the last hundred and fifty years before the revolution, described by the nun Taisy in her book «Russian Orthodox Female Monasticism», is examined, as well as the interpretation by the nun Taisiya of the reasons for its rise and features, its connection with the revival in Russia of the XIX century of the tradition of Jesus Prayer and institution of spiritual elders, which came from Mount Athos thanks to the works of St. Paisius (Velichkovsky) and his followers.

Keywords: hagiography, lives of saints, Russian women's monasticism, Russian diaspora, Church Tradition, Jesus Prayer, clergy.

Authors Info: Eneeva, Natalia T. – Ph. D. in History of Arts, Researcher, Center for the Study of the History of Religion and the Church of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation), E-mail: eneeva-nt@yandex.ru

For citation: Eneeva, N. T. NUN TAISIYA (KARTSOVA) – HISTORIAN OF THE RUSSIAN DIASPORA. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 34: 69–83

